

культуре отдельных народов. Кроме того нужно принимать во внимание, что вокруг вопроса о языке пилиппино ведется острая политическая борьба, некоторые реакционные силы выдвигают идею принятия английского языка в качестве единого национального языка Филиппин⁹.

Статья А. И. Мухлиннова «Этнографическая характеристика бронзовой культуры Донгшона (Вьетнам)» касается одной из узловых этногенетических проблем Юго-Восточной Азии. Автор делает вывод о том, что рассматриваемая культура принадлежит носителям малайско-полинезийских языков, что ее наследие живо в культуре современных мон-кхмерских и малайско-полинезийских народов Юго-Восточной Азии. Актуальной задачей является определение территориальных границ донгшонской культуры в Индокитае и на островах Индонезии, соотношение ее с близкими традициями в соседних районах, например, с культурой Шичжайшань в Юго-Западном Китае¹⁰. Важна также постановка проблемы создания целостной истории Индокитая в эпоху бронзы с учетом предшествовавших донгшонской культуре стадий, таких как самронсенская и недавно обнаруженная бронза в северо-восточном Таиланде, которая датируется III тыс. до н. э.¹¹.

Малознученному периоду в истории южной Сибири и сопредельных районов посвящена статья Д. Г. Савинова «Об изменении этнического состава населения южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени». В статье поддерживается мысль Л. Р. Кызласова об огромной роли государства древних хакасов в Южной Сибири и Центральной Азии, оказавшего значительное культурное воздействие на население этого района в IX—XII вв. Д. Г. Савинов выделяет среди памятников XI—XII вв. два территориальных и хронологических комплекса, полагая, что ранний связан с тюркоязычными кыргызами, а более поздний свидетельствует о выдвигании на историческую арену монголов. Причем указывается, что появление монгольского элемента не означало исчезновения тюркского населения.

В статье Л. Г. Нечаевой «Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин» доказываются генетические связи склеповой традиции на Северном Кавказе V—XIX вв. с обычаем катакомбных захоронений, принесенным в горные районы аланами, и отрицается происхождение этой традиции от погребений в каменных ящиках и дольменах. Таким образом, в концепции автора преувеличивается роль аланского источника в ущерб автохтонному. Автор не учитывает того, что катакомбная культура относится к I тыс. до н. э., а склепы зафиксированы на Кавказе в эпоху бронзы во II тыс. до н. э.

Переходя к общей оценке сборника, хочется еще раз сказать, что этнографический материал, имея непосредственное отношение к этнической специфике изучаемого народа, служит тем надежным критерием, который помогает интерпретировать лингвистические, археологические и антропологические данные. Иначе говоря, этнографический материал выступает как основной источник по этногенезу. Этому не противоречит то обстоятельство, что часто лингвистические или антропологические данные корректируют теорию происхождения отдельного народа. Высказанные соображения согласуются с теми последними исследованиями, где роли культуры в функционировании этноса придается особое значение¹².

Я. В. Чеснов

⁹ В. А. Макаренко, Рец. на: Apolarin B. Parale. Facts and issues on the Philippino language. Malabon, 1969, XIII, 294 p. «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 171—174.

¹⁰ Р. Ф. Итс, Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1972, стр. 191—207.

¹¹ W. G. Solheim II, Southeast Asia and West, «Science», v. 157, 1967, pp. 299—300.

¹² Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Расы, народы, культуры, М., 1971, стр. 8—88.

М. В. Крюков. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972, 325 стр.

Работа М. В. Крюкова представляет большой интерес не только и, может быть, даже не столько для специалистов по Китаю, сколько для всех этнографов, занимающихся исследованием родства. В ней на китайском материале ставятся и решаются проблемы огромной теоретической важности и среди них прежде всего вопрос об историческом соотношении типов систем родства.

Как известно, впервые этот вопрос был поставлен Л. Г. Морганом, открывшим классификационные системы родства, подразделявшим их на малайские и турано-ганованские и противопоставившим их системам родства привычного для европейцев типа.

Последние были названы им описательными системами. Л. Г. Морганом была создана и первая схема эволюции систем родства. Согласно его взглядам, исходной была малайская (гавайская) система родства. Результатом возникновения родовой организации было превращение ее в турано-ганованскую систему. Возникновение моногамной семьи привело к появлению описательной системы. Но хотя последняя пришла на смену турано-ганованской, между этими двумя системами нет генетической связи. Турано-га-

нованская система не превратилась в описательную. Она просто исчезла. Описательная система родства возникла непосредственно на основе новых семейно-брачных отношений.

Следующий крупный шаг в решении рассматриваемой проблемы был сделан У. Риверсом (1907, 1914, 1924). Он доказал, что не турано-ганованская система родства возникла из гавайской, а наоборот, вторая возникла из первой. Как на самые древние из турано-ганованских систем родства он указал на такие, которые предполагают для своего возникновения существование двух матрилинейных экзогамных групп, связанных групповым браком. Характерной чертой этих исходных систем он считал совпадение отношений родства с отношениями свойства. Обращаясь к описательным системам родства, Риверс выделил среди них два основных типа. Системы родства того типа, к которому, в частности, относится английская, он назвал семейными. Системы родства того типа, примером которого может послужить арабская, он назвал большесемейными. Турано-ганованские системы родства он охарактеризовал как родовые (клановые). Родовые, большесемейные и семейные системы Риверс рассматривал как три основных типа систем родства. Что же касается гавайской, то ей места в классификации, предложенной Риверсом, не нашлось.

Р. Лоуи (1922, 1928) осуществил своеобразный синтез классификаций Моргана и Риверса. Результатом было выделение четырех основных типов систем родства. Как указывал Р. Лоуи, в основе данного деления лежит признак разграничения или слияния прямой и боковых (коллатеральных) линий в первом восходящем поколении. Но в действительности у него этот признак действует совместно с другим — разграничением или слиянием материнской и отцовской линий. В гавайской системе полностью отсутствует разграничение как материнской и отцовской, так и прямой и боковых линий в каждом из поколений. Это, как назвал ее Лоуи, поколенная система. В турано-ганованской системе, в частности в ирокезской, четкое разграничение родственников по матери и по отцу сочетается со слиянием прямой и боковой линий внутри каждой из разграниченных таким образом групп. По терминологии Лоуи, это — бифуркативно-слившаяся система. В системах родства того типа, к которому относится арабская, разграничение материнской и отцовской линий сочетается с разграничением прямой и боковых линий. Это, по Лоуи, бифуркативно-коллатеральные системы. И наконец, в привычных европейских системах родства имеет место только разграничение прямой и боковых линий. Такие системы Лоуи называл линейными.

М. В. Крюков принимает это деление, именуя четыре обрисованных выше типа родства соответственно гавайским, ирокезским, арабским и английским. Для выявления исторического соотношения типов систем родства, по мнению автора, имеется два основных пути. Первый из них — синхронный — заключается в изучении существующих в данное время у разных народов систем родства и их сопоставлении. Этим методом пользовались Морган и многие другие исследователи. Другой — диахронный или исторический — заключается в исследовании реального развития системы родства у того или иного народа.

Примерами применения исторического метода являются исследования П. А. Лавровского (1867) о русской системе и Ф. Лаунсберри (1969) о латинской системе. Как совершенно справедливо указывает М. В. Крюков, приводимые ими данные неопровержимо свидетельствуют о том, что английская (линейная) система родства возникла из предшествовавшей ей арабской (бифуркативно-коллатеральной). Дж. Томсон (1949) на основе изучения особенностей латинской терминологии родства, относящейся в своей классической форме к арабскому типу, высказал предположение, что ей предшествовала терминология ирокезского типа.

Следующий и притом значительный шаг вперед в выявлении исторического соотношения типов систем родства сделан в рецензируемой работе на основе тщательного, скрупулезного анализа материалов по китайской системе родства, которая занимает особое место среди всех остальных. «Фактически это почти уникальный пример терминологии, развитие которой на протяжении более 30 столетий вплоть до настоящего времени нашло свое отражение в хорошо датированных письменных памятниках», — пишет М. В. Крюков (стр. 5). И в этом он совершенно прав.

Самой ранней из известных нам китайских терминологий родства является система, существовавшая на грани II—I тысячелетий до н. э. Опираясь на эпиграфические памятники иньского и ранне-чжоуского времени, М. В. Крюков реконструирует ее. По всем основным признакам эта система относится к турано-ганованскому (ирокезскому, бифуркативно-слившемуся) типу. Однако она представляет собой форму более древнюю, чем собственно ирокезская система родства. Специфической ее особенностью является последовательно проведенное дуальное деление терминов. Она могла возникнуть лишь в условиях существования двух экзогамных групп, связанных обязательным браком. Этот наиболее древний тип (точнее подтип) терминологии М. В. Крюкова предлагает именовать австралийским, хотя правильнее было назвать его просто дуально-родовым.

Если система родства, существовавшая у китайцев на рубеже II—I тысячелетий до н. э. была австралийской (дуально-родовой), то современная письменная китайская система родства, как показывает М. В. Крюков, является классическим образцом терминологии арабского (бифуркативно-коллатерального) типа. Таким образом, эволюция китайской системы родства состояла в превращении классификационной системы род-

ства австралийского типа в описательную систему родства арабского типа. И М. В. Крюков, основываясь на памятниках китайской письменности, шаг за шагом проследживает этот процесс. Но работа его вовсе не сводится к простому описанию изменений, происходивших в китайской терминологии. Он стремится вскрыть механизм и закономерности этих изменений. И его обобщения, на наш взгляд, представляют большую ценность.

Первый сдвиг в древнейшей китайской системе родства, зафиксированный в песнях «Шицзиня» (IX—VI вв. до н. э.) заключался в том, что родственников начали разграничивать в пределах поколения по признаку относительного возраста. Первоначально это изменение затронуло лишь нулевое поколение¹ и лишь затем распространилось на первое восходящее, что нашло свое четкое выражение в трактате «Моцзы» (VI—V вв. до н. э.). Распространение критерия относительного возраста на родственников первого восходящего поколения означало разграничение в пределах этого поколения прямой и боковых линий. Вслед за этим отделение прямой линии от боковых затронуло и нулевое поколение. В последних веках до н. э. терминология родства в первом восходящем поколении уже приобрела отчетливый арабский характер.

Еще в иньском обществе брак перестал быть обязательным. И исчезновение дуально-родовой организации не могло не сказаться на системе родства — она стала терять дуальный характер, что выразилось в появлении специальных терминов свойства. Как свидетельствуют сравнительные данные этнографии, рассматриваемые два вида изменений (разграничение прямой и боковых линий — с одной стороны, появление терминов свойства — с другой) протекают во многом независимо друг от друга. У ирокезов, например, особые термины свойства давно уже возникли, но прямая и боковые линии по-прежнему остаются неразграниченными. А у тамилов, у которых родственники по прямой и боковым линиям в первом восходящем поколении уже отделены друг от друга, выделение терминов свойства только еще началось, в результате чего их система все еще в значительной степени носит дуально-родовой характер. Как отмечает М. В. Крюков, развитие китайской системы шло в том же направлении, что и тамильской. В целом китайская система родства приобрела свой современный характер к концу I и началу II тыс. н. э. (стр. 205—206). Если современная письменная китайская система родства имеет чисто арабский характер, то современная разговорная система путунхуа и в особенности столичного лексиконного диалекта содержит в себе определенные отклонения от классического арабского типа. И эти изменения, как убедительно показывает автор, идут по линии приближения к английскому типу (стр. 237—238).

Таким образом, китайская система родства — это единственный в своем роде пример эволюции от самых древних терминологий до самых современных. И тем самым исследование ее позволяет значительно приблизиться к решению проблемы исторического соотношения типов систем родства. Материалы по китайской системе родства в сочетании с другими этнографическими данными дают достаточное основание для сделанного М. В. Крюковым вывода о том, что основная линия эволюции систем родства идет от терминологий австралийского (дуально-родового) типа через терминологию арабского типа к терминологиям английского типа (стр. 279—280). Что же касается гавайской системы родства, то она не является всеобщим и необходимым этапом в эволюции систем родства. Ее возникновение из турано-ганованской системы является отклонением от основной линии, обусловленным особыми историческими условиями (стр. 278).

Приведенные М. В. Крюковым китайские материалы неопровержимо доказывают, что самой древней из всех систем родства является терминология австралийского (дуально-родового) типа. Она совершенно не знает генеологического родства. И «это, — указывает автор — само по себе содержит указание на то, что в обществе с классификационной системой родства австралийского типа парной семьи или не существует вообще или же она полностью подчинена роду...» (стр. 280—281). Точнее было бы сказать, что австралийская система родства может возникнуть только в таком обществе, где парный и вообще индивидуальный брак отсутствует. Но здесь возникает серьезное затруднение. У китайцев экзогамные группы, из которых состояла дуальная организация, были патрилинейными. А появление отцовской филиации без парного брака невозможно. Этот вопрос выпал из поля зрения автора, однако приводимые им данные позволяют решить эту задачу. Работами ряда китайистов установлено, что в далеком прошлом у китайцев существовала система четырех брачных классов, аналогичная той, что детально изучена у австралийцев (стр. 271—272). Но эта система предполагает наложение отцовской филиации на материнскую, сдвигание этих двух филиаций. Таким образом у китайцев в далеком прошлом, наряду с отцовской филиацией существовала и материнская. Но как свидетельствуют данные этнографии, везде, где наблюдается одновременное существование материнской и отцовской филиаций, первая является более древней, а вторая — позднейшей. Все это дает достаточное основание для вывода, что в обществе древних китайцев системе двух взаимобрачующихся патрилинейных групп предшествовала система двух матрилинейных экзогамных групп, связанных групповым браком. Именно к этой организации и уходит своими истоками дуально-родовая система.

Все сказанное выше позволяет дать самую высокую оценку исследованию М. В. Крюкова. Его труд несомненно представляет собой значительный шаг вперед в решении проблемы исторической эволюции систем родства. Можно оспаривать многие частные обобщения автора, но его идея о том, что основания, магистральная линия эво-

¹ Поколение человека, от которого ведется отчет родства.

люции систем родства шла от австралийских (дуально-родовых) через арабские к английским, нам представляется безусловно правильной. И выявление М. В. Крюковым этой магистральной линии развития создает условия для дальнейшего продвижения в этой области.

Однако, на наш взгляд, М. В. Крюков смог бы добиться больших результатов, если бы не неясности и противоречия в его общем подходе к системам родства. Он выступает с резкой критикой моргановского деления систем родства на классификационные и описательные. Приведя моргановское определение, М. В. Крюков пишет: «Нетрудно видеть, что такое противопоставление двух основных типов систем является порочным, так как основывается на признаках различных порядков: под классификационностью понимается группировка родственников, а под описательностью — морфологическая структура терминов родства» (стр. 33). Не выдерживают, по мнению автора, критики и все другие попытки ограничить классификационные системы родства от описательных (стр. 28—33). Классификационные термины, утверждает он, существуют во всех без исключения системах родства. Они составляют подавляющее большинство терминов и в тех системах, которые Морган характеризовал как описательные. По существу все системы родства в той или иной степени являются классификационными.

Однако утверждая все это, М. В. Крюков вкладывает в слово «классификационный» совершенно иной смысл, чем Морган и другие сторонники его точки зрения. Классификационным М. В. Крюков называет такой термин, который обозначает не одно лицо, а несколько лиц, находящихся в различных родственных отношениях с говорящим (стр. 35). Кроме классификационных терминов он также выделяет групповые термины, каждый из которых обозначает группу родственников, находящихся в одних и тех же отношениях с говорящим, и индивидуальные термины, каждый из которых обозначает только одно лицо (стр. 34—35).

Но для Моргана классификационный термин не просто такой, который обозначает не одно, а несколько лиц. Классификационный термин по Моргану обозначает каждое лицо из целой группы людей, находящейся в определенном отношении к группе, в состав которой входит говорящий. Таким образом, классификационный термин, показывает отношение не непосредственно между индивидами, а между группами и только тем самым между индивидами, входящими в их состав: Классификационная терминология в моргановском смысле не знает родства между индивидами, индивидуального родства. Она знает только групповое родство. Правда, все эти особенности классификационных терминов не были в достаточной степени четко раскрыты в работах самого Моргана. В этом отношении большой шаг вперед был сделан А. М. Хокартом, который в своей прекрасной работе «Системы родства» (1937) наглядно показал, что классификационные системы родства отражают отношения, качественно отличные от отношений, столь привычных для европейцев.

В основе отличия классификационных систем родства от описательных лежит качественное различие между выражаемыми или родственными отношениями. Классификационные системы отражают групповое родство, описательные — родство между индивидами. К сожалению, М. В. Крюков до конца в этом не разобрался, с чем и связаны его ошибки во взглядах на классификационные термины родства.

Индивидуальное родство всегда носит эгоцентрический характер. В центре находится определенный индивид (эго), от которого и ведется отсчет. С каждым из родственников его связывает линия родства, состоящая из одной или нескольких элементарных единиц — степеней родства. Степень родства есть связь между родителем и порожденным. Индивидуальное родство точнее всего можно было бы определить как линейно-степенное родство. Именно линейно-степенной характер индивидуальных отношений родства и попытался выразить Морган, обозначая системы родства, отражающие эти отношения, как описательные. Любую линию родства можно описать путем последовательного обозначения составляющих ее степеней родства. Среди терминов описательных (линейно-степенных) систем родства существует как обозначающие лишь одну линию и тем самым одно лицо (единичные), так и служащие для обозначения нескольких линий родства и тем самым нескольких лиц (общие). Но и общие термины, как и единичные, обозначают отношения непосредственно между индивидами и в этом смысле являются индивидуальными, а вовсе не классификационными. В линейно-степенных (описательных) системах родства нет классификационных терминов. В них имеются лишь единичные и общие термины.

Нельзя сказать, чтобы существование группового родства и классификационных терминов в подлинном смысле слова осталось совершенно вне поля зрения М. В. Крюкова. Характеризуя, например, системы родства австралийского (дуально-родового) типа, автор указывает, что «в них отношение между лицами определяется через принадлежность этих лиц к определенному классу, определяемому принадлежностью к одной из двух взаимобрачающихся групп, поколению и полу» (стр. 281). Называя системы этого типа классификационными М. В. Крюков фактически вкладывает в данный термин моргановский смысл. Однако буквально тут же он противопоставляет этим системам все остальные как «частично классификационные» (стр. 281). И здесь он понимает под классификационными терминами уже не собственно классификационные, а общие. И так как М. В. Крюков не отделяет одного от другого два разных смысла, которые он вкладывает в термин «классификационный», то он фактически трактует именно как общие, а не классификационные, не только общие термины описательных систем род-

ства, но и действительно классификационные термины всех классификационных систем родства, исключая (а иногда и не исключая) австралийские. И в результате все системы родства, кроме дуально-родовых, предстают у него как линейно-степенные (т. е. описательные). И среди «частично классификационных» или, что для него то же самое, «генеалогических» систем родства у него в равной степени оказываются и английская, и гавайская, и ирокезская.

И согласиться с ним в этом нельзя. Верно, конечно, что среди терминов ирокезской системы родства имеется некоторое число индивидуальных. Однако не они определяют характер этой системы. Подавляющее большинство ее терминов являются классификационными в точном смысле этого слова. В целом это классификационная система родства, хотя уже и вставшая на путь, ведущий к превращению в описательную. Что же касается английской системы родства, то в ней классификационные термины совсем отсутствуют. Она является полностью линейно-степенной.

Можно спорить о том, насколько удачными являются предложенные Морганом названия, однако введенное им деление систем родства на классификационные и описательные имеет под собой глубокую объективную основу и поэтому полностью сохраняет свое значение для науки. Нечеткое разграничение М. В. Крюковым сущности различия между классификационными и линейно-степенными терминами родства в определенной степени обеднило нарисованную в книге картину эволюции китайской системы родства. По существу, вне поля зрения автора остался процесс превращения классификационных терминов родства в линейно-степенные (описательные). О нем он говорит лишь попутно, нигде не раскрывая механизма этой трансформации.

Обращаясь теперь от материалов и теоретических построений, содержащихся в рецензируемой книге, к самой книге, можно было бы предъявить автору немало претензий. В частности его можно упрекнуть в явной недооценке того вклада, который был сделан в решение рассматриваемой проблемы У. Риверсом. В целом ряде мест положения, выдвинутые впервые Риверсом, приписываются другим исследователям (стр. 39, 45, 46, 49). Автор перегружает работу иностранными словами, используемыми в качестве терминов, хотя во многих случаях их легко можно было бы перевести на русский язык. Например, без конца употребляемое в книге слово «релевантный» легко переводится словом «существенный». Автор в целом удачно использует метод компонентного анализа, однако терминологию его он нередко употребляет и там, где в ней нет нужды. Не только не облегчает, а, наоборот, затрудняет понимание работы использование кода Левина. Код, который употребляется в англо-американской этнографической литературе, значительно более прост. Его, вероятно, и следовало бы взять за образец. Нельзя согласиться с автором, когда он тип системы родства определяет только как искусственную идеальную модель (стр. 222, 281). Тип существует и в объективной реальности, но как всякое общее только в отдельном и через отдельное. Имеются известные недостатки в структуре работы. Она недостаточно стройна, изобилует повторениями.

Обычно принято завершать рецензию заявлением, что отмеченные недостатки не снижают достоинства рассматриваемой работы и т. п. Мы от такого заявления воздержимся. На наш взгляд, если бы указанных недочетов не было бы, то книга от этого только бы выиграла. Но не в этом дело. Суть заключается в том, что результатом исследования, предпринятого автором, явилось подлинное научное открытие. Он сделал то, чего до него не совершил никто. И никакие недостатки работы не могут изменить этого несомненного факта. Появление книги М. В. Крюкова является заметным событием не только в советской, но и зарубежной литературе по этнографии. И оценить эту работу иначе, как крупный вклад в этнографическую и шире — историческую науку, на наш взгляд, нельзя.

Ю. И. Семенов

НАРОДЫ СССР

Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971, 344 стр.

Практическое осуществление в Советском Союзе ленинского учения по национальному вопросу вызывает неослабевающий интерес и у специалистов — историков, этнографов, экономистов, социологов и у широких кругов общественности. Решение Коммунистической партии и Советским правительством целого комплекса сложных национальных проблем в ходе строительства социализма у отсталых в прошлом народов имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение. В ходе подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина появился целый ряд значительных исследований, посвященных претворению в жизнь ленинской национальной политики. К юбилею была подготовлена и рецензируемая книга. Эта книга интересна прежде всего тем, что в ней исследуются многие недостаточно разработанные в литературе вопросы, связанные с